премьера номера

МЭРИ ПОППИНС МЦЕНСКОГО УЕЗДА

Русские актеры оттого так хороши, что русская душа амбивалентна. То есть равно способна на крайнее зверство и чудеса самоотверженности, с частым переходом одного в другое. Это необходимейшее свойство актера: сегодня он играет Гамлета, а завтра — волка на детском утреннике. Страдалец и злодей должны у него получаться равно убедительно. В этом смысле Наталья Андрейченко — самая русская актриса из тех, кого я знаю. У нее даже рост меняется. В музыкальной сказке Л. Квинихидзе она была Леди Совершенство ростом с манекенщицу. В «Тихом Доне» у С. Бондарчука (Дарья) она, судя по фотопробам, своего обычного, среднего женского роста. Не говоря о том, что у того же Бондарчука в крошечном эпизоде «Степи» она просто толстая. Это не мое, а ее определение.

Красива ли Андрейченко, спорить не приходиться. Такие лица — подарок для «Информкино». Но в красоте ее непостижимым образом примиряются Восток и Запад, изысканность и почти грубая яркость, что и позволило ей в «Военно-полевом романе» из фронтовой богини на глазах превратиться в базарную бабу со следами былой неотразимости. Запад от таких женщин балдеет. Анемичная утонченность у него вот где.

Разговаривать с ней приятно. Она дружелюбна, гостеприимна, жестко отслеживает себя со стороны и говорит только то, что считает нужным сказать. У интервьюера создается впечатление, что все это рассказывается на пределе откровенности — и только ему. Ираклий Квирикадзе рассказал в недавнем интервью «Альманаху киносценариев», что дом Шелла и Андрейченко в Америке — один из самых русских, милых и гостеприимных. Трудно представить себе человека, который бы Андрейченко не любил. Так что Максимиллиана Шелла лично я понимаю как родного.

— Наташа, вы надолго приехали?

— Давайте сначала договоримся, кто когда уезжал. За последние три года я снялась здесь в трех фильмах — «Прости», «Марица», «Под знаком красного креста». Два последних — телевизионные, их мало кто видел, но мне они нравятся. А до этого вышла «Леди Макбет Мценского уезда» Романа Балаяна. Так что я большую часть времени живу и работаю здесь, а сейчас прилетела со съемок в Эстонии — там Шелл снимал американскую картину «Свечи во мраке». Константин Худяков репетирует со мной главную роль в фильме «Русская» — сценарий Эдуарда Володарского только что опубликован. Сергей Бондарчук закончил снимать «Тихий Дон» — это итальянская картина, но делали ее, разумеется, здесь. Мы с Шеллом собираемся снимать большой фильм — опять-таки в России. Так что никуда я отсюда не уезжала — год прожила в Германии и Америке, периодически бываю за границей, но никак не больше остальных. Этак вы из меня эмигрантку сделаете...

— Кстати, в Эстонии-то узнали вас?

— Это совершенно другая страна, такая славная — лучше Германии. Я вообще почему-то Германию очень плохо переношу, я там совершенно чужая — вот не могу там жить, что хотите делайте. А Эстония — это такая Европа, как мы ее здесь себе представляли: уютная, традиционная, красивая, все есть, все дружелюбны... Фильм — не про нее: просто некая абстрактная маленькая страна, долго бывшая доминионом Империи. С явными намеками на Прибалтику, но с более символическим, общим смыслом. Туда приезжает на каникулы девочка из маленького американского городка — у нее в этой стране живет тетка, Марта, я эту Марту играю. У тетки перед второй мировой убили возлюбленного, который боролся за независимость. Сейчас опять подъем этой борьбы — действие происходит в конце восьмидесятых,— и девочка-американка влюбляется в такого мальчика-борца. Тетка, которая давно от всего этого отошла, будто переживает второе рождение — начинает им помогать, ходить на тайные собрания... Роскошный финальный эпизод: весь город идет со свечами в собор в канун Рождества — такая совершенно мирная демонстрация. Собор огромный и без купола, открытый, разрушенный. И когда надо было снять этот эпизод, возникли проблемы — массовка огромная, организовать ее трудно,— тогда Шелл крикнул: «Здесь Наталья Андрейченко, она играла Мэри Поппинс!» Полная, кстати, неожиданность для меня. Я обалдела, стоит полная тишина, потом — мощный восторженный рев, и все стали свечи зажигать. Чуть не разревелась.

— Вы понимаете, что от вашего знакомства с Шеллом все равно никуда не уйти...

— Я расскажу, отчего же нет? Я играла первую жену Петра Первого, а он, как вы знаете,— самого Петра в довольно посредственном историческом боевике. Типичная американская картина, иллюстрация к учебнику. Имя Шелла мне говорило немногим больше, чем рядовому зрителю,— как режиссер он тут совсем неизвестен, как актер — едва-едва... Но когда мне его впервые показали на площадке, я уважительно так подумала: да, этот может, это вполне русский царь... И мне ужасно хотелось с ним заговорить, а словарный запас минимальный, мы первые месяцы объяснялись по разговорнику. Но на первую фразу у меня слов хватило. Подхожу и мрачно так говорю: «Я на вас очень сердита». Он потрясенно: «Ва-ай?» А я: «Зачем вы сослали меня в монастырь?!» Так выглядел наш первый диалог.

— А кому принадлежала инициатива в этом романе?

— Я не хочу отвечать подробно, скажу только вот что: я люблю сразу брать то, что мне нравится. Бороться за это, добиваться этого. И когда вдруг я — сильная по природе своей женщина — ощущаю такое же сильное, даже и превосходящее встречное движение, это необыкновенно приятно.

Дальше все развивалось очень сложно: пока снимали в России, присутствие тут Шелла было всем понятно, но когда он стал приезжать уже ко мне... вся эта бездна советских унижений, гостиничные пытки, взятки коридорным, ночные хождения по Москве, когда «хвост» сопровождает повсюду — за Шеллом ведь по-настоящему следили... В общем, я очень счастлива с ним, но это счастье мы оба оплатили по строгому счету.

— А какие у вас отношения с Максимом Дунаевским, первым мужем?

— Очень хорошие, дружеские. Хотя все и было страшно трудно... Я ему благодарна.

— Кстати, он играл какую-то роль в вашем приглашении к Квинихидзе на «Мэри Поппинс»?

— Он был сам поражен таким совпадением — предполагалось, что сыграет Вертинская, но она в последний момент не смогла,— Квинихидзе увидел меня на даче у знакомых и ввел на роль перед самым началом съемок. Отказываться было грешно — мне там музыка очень нравится.

— Сколько лет Шеллу?

— Шестьдесят два.

— Вам трудно с ним работать как с режиссером?

— Он режиссер мирового класса. Кстати, наша первая заочная встреча произошла в списке номинаций «Оскара», когда его выдвигали как лучшего зарубежного документалиста за фильм «Марлен», а меня — за лучшую женскую роль в зарубежном кино, в «Военно-полевом романе». И оба не получили «Оскара», что нас тоже сближает. Если же серьезно — именно снявшись у него в Эстонии, я окончательно оставила мечты о режиссуре. Потому что другого такого нет, а делать хуже не имеет смысла. Он начал с того, что заставил нас разыграть всю картину буквально по минутам, во всей последовательности эпизодов, по сценарию, чтобы каждый понимал, что ему делать. Мне не нравится, как я сыграла Измайлову у Балаяна, это только моя вина, и дело здесь именно в том, что я не представляла себе целый фильм с самого начала. Мне Янковский и другие говорили: слушайся во всем Балаяна, он всегда прав. Очень может быть, но я так играть не могу, мне надо представлять картину и мое в ней место. Шелл об этом думает в первую очередь. Так замечательно работать было только с Тодоровским — у меня такое чувство, что все роли в «Военно-полевом романе» он за нас сыграл. Петя вообще человек волшебный.

— Если уж заговорили о «Военно-полевом романе»: как вам нравится сегодняшнее состояние Бурляева, его эволюция? Что-нибудь указывало на возможность такого развития событий?

— Бурляев — потрясающий актер. То, что он делает в фильмах Тарковского, почти невероятно. И не мне, общавшейся с ним очень мало, судить ту трагедию — не будем прятаться от этого слова,— которая с ним происходит. Мне кажется, он человек очень замкнутый. И первые признаки внутреннего неблагополучия можно было заметить, когда началось увлечение мистикой,— с этого часто начинаются внезапные перемены в людях. Потом — стихи. Он всегда придавал им огромное значение, мог позвать к себе и весь вечер читать. И потом уже — русская идея, мысль о заговорах, о загадочных погубителях России, полный какой-то бред... Уже в «Военно-полевом романе» он держался особняком и не раскрывался, хотя сыграл замечательно. Этот человек мне интересен по-прежнему.

— Вы сыграли что-нибудь в Америке?

— Обе картины, которые сегодня делает Шелл, американские. Сценарий второй, которая пока только в замысле,— как раз о нас, это история нашего брака, и мы пишем его вместе. В принципе же у меня нет никаких иллюзий — даже получив «Оскара», я не вызвала бы в Америке особого интереса. Там совершенно другое отношение к актеру. Он представляет собой некий механизм, в заданное время укладывающий заданную фразу. Сцена пишется на четкий хронометраж. Нет в мире силы, способной спасти самый лучший монолог, если этот монолог вылезает за рамки отведенных на него трех минут. Работы с актером в нашем понимании нет. И ни на одной студии с актером никто не будет разговаривать — нужен агент. Что до агента, зачастую актер ему совершенно безразличен, хороших посредников единицы, и шансы нового человека в Голливуде ничтожны. Я не смогла бы перечислить и десятка наших актеров, кому там удалось что-то сделать. Это же относится к режиссерам и сценаристам.

— Кого из наших режиссеров там знают?

— Больше всего ценят Бондарчука. Сказать: «Я работала у Бондарчука»,— уже значит быть допущенным в определенное общество. И сейчас, работая у него на «Тихом Доне», я еще раз убедилась — это не зря. Он снял двенадцать часовых серий и ни сметы, ни сроков не превысил. И как мне жаль, что это не русская картина! Кто знает, увидим ли мы хоть киноверсию,— а мне ведь очень нравится, как я там сыграла! На этот раз со мной Бондарчук действительно работал. А то в «Степи» подводит меня к телеге, на которой мне предстоит лежать, и говорит: «Ты должна сыграть степь» Ничего себе — да?

— Вы очень отвыкаете ТАМ от здешней жизни?

— Да нет, пожалуй... Во всяком случае, я отсюда. И в магазине, и в очереди, и в пробке вон на Садовом кольце я себя чувствую довольно органично. То есть во мне нет рафинированности этой — того я не могу, этого не переношу... Я могу и обложить, и послать куда следует, и поскандалить — я довольно защищенный как раз человек. Вот начали бы вы, допустим, хамские вопросы задавать, я бы не стала особенно церемониться.

— Какие свои фильмы вы любите больше всего?

— «Сибириаду», «Военно-полевой роман», последние роли у Шелла и Бондарчука плюс театральную роль у Анатолия Васильева в «Серсо».

— С кем из тамошних знаменитостей вы дружите?

— Очень со многими... Ну с Аль Пачино, например.

— Ого!

— А что? Милейший человек. Тихий такой, чудаковатый. Очень добрый. Всегда носится с какими-то странными идеями, на которые тратит почти все свое время и деньги,— недавно вот фильм снял документальный... А актер он великий и человек очень красивый. В первом «Крестном отце» больше всего похож.

Беседовал
Дмитрий БЫКОВ

«Военно-полевой роман»

«Сибириада»